

УДК 811.111'42

ТЕКСТ СТАТИЧЕН ИЛИ ТЕКСТ ПРОЦЕССУАЛЕН?

В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

В.Е. Чернявская. Текст статичен или текст процессуален? Данная статья решает проблемы текста путем укрупнения объекта анализа и рассматривает текст в новой системе координат через сосуществующий с ним дискурс. Деятельностная природа текста определяет его процессуальность как внутренне заложенный признак. Текст и текстовые категории имеют "нежесткий" характер, а обусловлены совместной деятельностью сознаний коммуникантов.

Ключевые слова: текст, дискурс, текстовые категории, процессуальность.

В.Є. Чернявська. Текст статичний або текст процесуальний? Ця стаття вирішує проблеми тексту шляхом укрупнення об'єкту аналізу та розглядає текст в новій системі координат через співіснуючий з ним дискурс. Діяльнісна природа тексту визначає його процесуальність як внутрішньо закладену ознаку. Текст і текстові категорії мають "нежорсткий" характер, вони обумовлені спільною діяльністю свідомостей комунікантів.

Ключові слова: текст, дискурс, текстові категорії, процесуальність.

V. Chernyavskaya. Is text static or is it procedural? This article solves the problems of text by enlarging the object of analysis and considers the text in the new coordinate system as coexistent with discourse. Activity based nature of the text defines its processuality as internal characteristic. The text and text categories are "soft" by nature, they are determined by the joint activity of the communicants' consciousness.

Key words: text, discourse, text categories, procedural.

Предлагаемые вниманию читателя рассуждения естественно рассматривать в той системе исследовательских координат, которая задается как тематической общностью самого издания "Коммуникация и когниция", так и вообще сложившейся в языковедческой науке ситуацией смены / слома / соединения научных парадигм, что определяет актуальность избранной проблематики. **Объектом** анализа, центральной категорией является, как следует из названия, текст. При этом, что также следует из предложенного названия, текст рассматривается в связи с той когнитивно-дискурсивной парадигмой, которая на современном этапе определяет направление многих – и в большинстве своем эвристичных и поступательных – разработок. Высказываемые в рамках данной статьи положения уже выносились мною на обсуждение, в том числе стали методологической основой учебника

“Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность” [2009]. Повторяя здесь те основные положения, которые определяют, с моей точки зрения, существо современных размышлений о коммуникативном и когнитивном, **целью** статьи полагаю выдвинуть их в фокус внимания заинтересованного исследователя, не претендуя, разумеется, на то, что все точки над *i* расставлены.

Итак, с того момента, как категория дискурса прочно вошла в научный оборот, все чаще стало звучать некое противопоставление текста дискурсу, как противопоставление статичности (текста) процессуальности (дискурса). В зависимости от теоретических позиций, научной школы и личных интересов авторов это противопоставление звучит с меньшей или большей силой, превращаясь порой в резкую оппозицию "текст vs дискурс". Нельзя не признать, что новое направление научного анализа связано напрямую с осознанием той реальности, что текст является основополагающим, но не единственным элементом в сложно организованной системе человеческой коммуникации. Признание этого обстоятельства привело к перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и – восприятия. Теоретическим выводом из этого оказалось разделение *текста* как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и *дискурса* как самого процесса. Противопоставление статичности и динамичности, процессуальности и результативности коммуникации и речи является ключевым вектором когнитивно ориентированной лингвистики и влечет за собой пересмотр позиций относительно сущности текстуальности. Особые цели и исходные теоретические установки когнитивных наук в целом и когнитивной лингвистики и психолингвистики, в частности, позволяют еще больше раздвинуть рамки "тексторастворяющих" подходов.

В потоке публикаций последних лет нельзя не заметить определенную тенденцию, а именно: внимание к мыслительным феноменам смыслопорождения (к тому, что происходит "в голове" адресата) оборачивается сомнением относительно эвристической значимости анализа вербальной формы этих феноменов – текста. Так, например, сложная динамическая система взаимовлияния психоментальных процессов и их материальной языковой составляющей представляется метафорически как взаимодействие "тела" и "души". При этом существенной для анализа должна быть, по определению, конечно, душа. Что же касается "тела" в таком образном представлении, то показательным может служить следующий взгляд:

"В число исходных постулатов для метатеории понимания текста могут входить следующие. "Тело текста" без продуцирующего и воспринимающего его человека остается некоторой мертвой последовательностью графем; для его "оживления" или "одушевления" необходима включенность и "тела текста", и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может" [Залевская 2001: 157].

Обрисованная так картина делает для многих исследователей текстоцентрический принцип уже не таким незыблемым и очевидным (вспомним в этой связи образное выражение Г.В. Степанова: "Лингвистика становится служанкой при тексте" [1984]). Теперь не может не возникнуть вопрос о статусе самой науки о тексте. Наметилась ситуация, при которой "лингвистика текста, выступая сначала как нечто отчетливо очерченное и понятное, стала понятием диффузным, уже готовым к концептуальному распаду" [Николаева 2000: 413].

Комментируя приведенную цитату из работы авторитетного отечественного психолингвиста А.А. Залевской, представляется возможным сделать следующий акцент. Очевидно: чтобы действительно понять что-либо, нужно занять определенную точку зрения, при этом выдвигая на первый план - высвечивая - одну позицию, другую неизбежно оставляя в тени. Исходя из теоретических установок психолингвистики, выделение процессов смыслопорождения и -восприятия как наиболее существенных (т.е. как "души") и понятно, и методологически оправдано, и вносит свой неоспоримый вклад в общую поступательность языковедения.

Нельзя не отметить, однако, что рассуждения о "теле текста" и его "душе", о том, что "текст мертв", сопряжены со спецификой значения, полученного в результате метафорического словопроизводства. В специфике этой выделим два основных момента. Во-первых, метафора "начинается с принципа фиктивности (благодаря модусу "как если бы"), живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования" [Метафора в языке и тексте 1988: 48]. "Имплицитные приращения смысла к эксплицитным значениям могут значительно превосходить последние в суммарном объеме информации... Имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними..." [Никитин 2003: 240]. И, далее, следует принимать во внимание "способность метафоры создавать психологическое "напряжение" между буквальным значением и значением переосмысленным..." [Метафора в языке и тексте 1988: 35]. Как раз такое напряжение и создается в анализируемой ситуации "омертвления текста", в ситуации, когда возможен[!] вывод о безынтересности текста как "мертвого тела" по сравнению с "живой душой" когнитивных процессов.

Во-вторых, "осмысление образного значения очень индивидуально, субъективно... Именно субъективностью переосмысления значения слова... объясняется сложность ее интерпретации <...>. Восстановлению смысловой гармонии препятствуют важные характеристики метафоры - ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение - скорее вызывать представления, а не сообщать информацию" [Метафора в языке и тексте 1988: 109]. Недооценка этого обстоятельства способна привести к тому, что *"метафора бывает не только чрезвычайно полезна, но недостаточно"*

критичному уму может и навредить, сбивая мысль на неоправданные сближения и обобщения" [Никитин 2003: 261].

Такого рода *опасностью ошибочных упрощений нельзя пренебрегать*. Во всяком случае, взгляд на текст как "мертвую цепочку графем" отражает лишь один из возможных подходов.

В наших рассуждениях следует исходить из того, что *наличное человеческое знание – это знание текстуальное*, то есть представленное в текстах, фиксируемое текстами и, главное, *порождаемое в текстах*. Так считает авторитетный немецкий лингвист Г. Антос, основоположник теории речевого формулирования. В такой идее заключено возражение "сокращенному варианту" положения о роли текста в когнитивных науках, когда текст признается языковой реализацией (в смысле – результатом) ментальных структур, процессов, концептов, и, следовательно, текст – это лишь средство для презентации и архивирования знания, своего рода "одежда для мыслей" или же "посредник в представлении мысли". Напротив, по Антосу, текст – это центральное средство порождения знания, как индивидуально-личностного, так и социального, как в культурно-исторической, так и в конкретной повседневной протяженности. Под этим ученый понимает, с одной стороны, получение, отбор, структурирование и оформление знания как такового и, с другой стороны, критическое осмысление, интерпретацию и изменение знания (в смысле – его приращение), равно как и "риторически ориентированное" оформление приращенного знания, предназначенного для восприятия адресата. Только и именно базирующееся на распространении в человеческой практике и ориентированное на воспринимающее сознание порождение текстов ("auf Distribution und Rezeption basierende Wissenskstitution") делает тексты социокультурно значимым средством приращения знания – и это снова через непрерывный процесс его распространения и восприятия ("qua permanenten Distributions und Rezeptionsprozeß"; - ср.: [Antos 1997: 45]).

Безусловно, нельзя отрицать результативный, то есть формальный аспект текстовой организации. Тексты упорядочивают рассеянное во многих дискурсах человеческое знание в определенной социально-культурной и языковой форме. Одновременно с этим, нельзя соглашаться с абсолютизацией формального аспекта текста при обсуждении его процессуальности и/или результативности.

Существо текста и, значит, главную задачу ("главный нерв!") в его исследовании следует формулировать не **только и не столько в констатации того факта, что текст "языковляет" наше знание о мире в какой-то форме** (структурированной так-то, с такой последовательностью тематического развертывания, с детальным представлением того-то etc.), **сколько в вопросе о том, как и что текст оформляет и/или что не оформляет средствами языка и почему**. Очевидно, что в основе такого представления лежит процессуальное, или динамическое понимание текста. Поскольку тексты отражают и выражают наше знание избирательно и целенаправленно, то отдельный текст является, по

Г.Антосу, "промежуточной станцией" от одних (текстов) к созданию других (текстов) ("на бумаге") и отправной точкой для рецептивной переработки содержащегося в тексте знания в сознании адресата ("тексте в голове"). Отметим здесь интересное попутное наблюдение ученого: мы говорим в такой связи именно о "текстах". И множественное число в этом случае фокусирует, что работа читательского сознания с (одним) текстом активирует и актуализирует целую систему концептов, ассоциаций, пресуппозиций, и следствием и результатом их переработки является часто формулирование других текстов – парафразирующих, комментирующих, продолжающих, интертекстуально соотносящих, обобщающих и т.д. [ср.: Antos 1997: 46].

Итак, *наше знание* большей частью (особому рассмотрению подлежат, конечно, математические или химические формулы!) не только фиксируется и представляется в виде текстов, но и *порождается в языковом смысле как текст*. И если в соответствии с динамической моделью рассматривать тексты как точки отсчета и промежуточные станции в процессе порождения знания, то каждый конкретный текст/каждое высказывание выступает своего рода генератором новых текстов/смыслов.

В нашем понимании диалектической антиномии "результативность vs процессуальность" сошлемся также на верное определение Е.А.Гончаровой: "Являясь коммуникативным действием автора и выражая определенную коммуникативно-прагматическую стратегию, текст, с одной стороны, в силу своей знаково-материальной определенности представляет собой некий результат, продукт когнитивно-речевой деятельности субъекта, которым он создан. С другой стороны, будучи включенным в определенные отношения с адресатом, для восприятия которого он предназначен, текст наделяется признаками процесса, процессуальности, поскольку и автор и читатель вольно или невольно вкладывают в создаваемые ими системы текстовых смыслов зависимость от "среды" (исторической эпохи, социальных условий, индивидуального психологического состояния и др.). *Авторский и реципиентский смысл не могут быть адекватны как друг другу, так и инвариантным языковым значениям компонентов текстовой структуры*" [Гончарова, Шишкина 2005: 10; курсив – мой, В.Ч.]. Это утверждение созвучно высказываемой Т.М.Николаевой идее о тексте как организованном семантическом пространстве. Ср: "...Пространство-текст не представляется таким линейным, каким оно предстает в нарративной грамматике, оно многомерно. Единицы этого семантического пространства не равны точно единицам языка, ... Основной декодируемый смысл текста... передается некими значимыми смысловыми квантами, не привязанными ни к линейному контакту, ни к оформленности грамматических уровней. Текст оказывается прошитым этими смысловыми переключками" [Николаева 2000: 418; 436].

Если текст – это вербальная форма речемыслительной деятельности адресанта, взаимодействующего с адресатом, то *процессуальность присутствует в нем per se, по сути, как внутренне заложенный признак*.

Процессуальность текста поддерживается и объясняется подчиненностью текста не только речемыслительной деятельности адресанта и адресата, но и иным видам деятельности антропоцентриков коммуникации. Вспомним в этой связи суждения А.Н.Леонтьева о том, что речевая деятельность является своего рода "наддеятельностью", и "строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую" [Леонтьев 1969: 27].

Констатируя процессуальность текста, заложенную в нем его "деятельностным происхождением", согласимся с Е.А.Гончаровой в том, **как представить характер этой процессуальности**: она детерминирует системность текста, то есть необходимую и устойчивую внутреннюю связь принадлежащих ему элементов, и направлена именно на внутреннюю системность в большей степени, нежели на связь этих элементов с окружающей средой или с элементами других систем [ср.: Гончарова, Шишкина 2005: 10]. Процессуальность текста заключена в том, что "в тексте есть структурирование, нацеленное на длительное существование" [Адмони 1994: 87]. Продолжить это высказывание можно тем, что в тексте создается особая системность, "качественная прибавка" к свойствам языковой системы, по М.Н.Кожинной; функционирование языка подчиняется двойной системности – внутриязыковой и коммуникативно-функциональной; если первая реализуется, то вторая строится, организуется в процессе речеобразования [Кожина 1984: 11]. И дополняя эту мысль: "текст обуславливает возможность "перекрестного" смыслового взаимодействия элементов разных уровней [текстовой структуры – В.Ч.] и их интегративное вхождение в общий текстовый смысл, *качественно новое целое по сравнению с суммой системных значений отдельных языковых единиц*" [Гончарова, Шишкина 2005: 10-11, выделено мной – В.Ч.].

Следовательно, смысл текстового целого – интенция текста – дают возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его историческим контекстом.

Признание этого факта позволяет по-новому взглянуть на традиционные категории текста и, в целом, на феномен текстуальности. Последнюю целесообразно рассматривать как когнитивный феномен с прототипической организацией.

В объяснении сущности текстуальности как прототипического феномена расставим два необходимых акцента. Первое. Нельзя отрицать качественной определенности текста и наличие у него сущностных свойств – текстуальности. Второе. Невозможно и нецелесообразно осуществить принцип имманентности в его "чистом виде" применительно к текстовым категориям. Лингвистика [текста] имеет объяснительную силу не через создание абстрактных умозрительных теорий, но в ее внимании к реальной языковой практике. А в реальной практике, в оперировании текстами проблемы "что такое текст" не

возникает. Любой носитель языка в ответе на этот вопрос будет исходить из своего опыта обращения с конкретными текстами – инструкциями, рецептами, телефонным разговором, романом и т.д. Вообще, наука о языке оперирует гуманитарным знанием и, значит, не признает абсолютных истин: равное право на сосуществование имеют различные точки зрения, если они внутренне не противоречивы. Согласимся с И.А. Щировой, констатирующей сегодня "превращение интерпретатора в знаковую фигуру времени.... Истина оценивается не с позиций объективности, а с позиций ее эвристической полезности" [Щирова, Гончарова 2006: 57-58].

Какая же теоретическая позиция обладает бóльшим объяснительным потенциалом в связи с дискуссиями о качественной определенности текста?

Когнитивно ориентированное направление языковедческих наук задает особый статус лингвистики текста в ряду других дисциплин. Под влиянием и напором дискурсивного анализа мы наблюдали своего рода разграничение "сфер влияния" лингвистического текста и когнитивной лингвистики. Лингвистика текста в ряде современных разработок развивалась в направлении сужения понятия текст, ограничения его только материальной стороной, зафиксированностью на материальном носителе. Процессуальная же сторона текстопроизводства и текстовосприятия часто отводится в область изучения дискурса. Изложенные в предыдущем разделе суждения не позволяют признать продуктивным резкое противопоставление текста и дискурса, результативности и процессуальности, приводящее к растворению текста в стихии процессуальности. Считаю возможным разделить широкое, **динамическое представление о тексте и как процессе и как продукте речемыслительной деятельности**, по Е.А. Гончаровой, М.Я. Дымарскому, И.А. Щировой, В. Хайнеманну, У.Фикс и др. и соотношу существование текстового целого (целостного текстового смысла) с воспринимающим и воссоздающим текст сознанием. Текст зависит от интерпретатора в том смысле, что он создается, будучи включенным в определенные отношения с адресатом. Смысл текстового целого – то, что называется интенцией текста – дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его социально-историческим контекстом. "Воспринимая текст, - пишет И.А. Щирова, и с этим необходимо согласиться – мы не читаем его с "чистого листа", поскольку в *материальной форме текста репрезентируется авторское сознание. Чтобы быть понятым, автор* обращается к словам общенародного языка и *выстраивает* на их основе *текстовое целое*, по его мнению, оптимально репрезентирующее сформировавшийся в его сознании целостный смысл. Ориентируясь на читателя, автор маркирует текст чертами целостности... *Воспринимая текст, читатель исходит из презумпции его целостности* и, следуя интерпретативным стратегиям и тактикам, заложенным автором в текст, "собирает" его смысл. *Целостность текста*, таким образом, всегда обусловлена совместной деятельностью сознаний коммуникантов. Она не

является окончательно определенной, поскольку, в конечном итоге, идентифицируется читателем как равноправным участником коммуникации, но является заданной, поскольку изначально идентифицируется авторским сознанием... в форме текста" [2005: 57, курсив мой – В.Ч.].

Следовательно, текст и текстовые категории имеют "нежесткий" характер, и к ним неприменимо категоричное разграничение по принципу "имманентное – относительное". Зависимость текста от интерпретатора отрицает имманентность его категорий, но позволяет сохранить за ними статус критериев текстуальности. Возможно согласиться с той позицией, которую выражают авторитетные отечественные исследователи Е.А. Гончарова и И.А. Щирова. "В контексте новых научных реалий категории текста целесообразно трактовать не как имманентные свойства, а как репрезентируемое языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры" [ср.: Щирова, Гончарова, 2006: 56; 53].

Подведу итог сказанному. Текст сегодня должен анализироваться – и анализируется! – вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии – дискурсом. Текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Для лингвиста это означает укрупнение объекта анализа, выведение его в метаперспективу и в новую систему координат. Именно с укрупнением и расширением лингвистического объекта следует связывать меняющиеся взгляды на единицы коммуникации как единицы общения и смыслопорождения. Предложенный подход **перспективно** применить к анализу текстов конкретных жанров на материале славянских, германских, романских и иных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: "Наука", 1994. – 153 с.
2. Гончарова Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2001. – 177 с.
4. Кожина М.Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы / М.Н. Кожина // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1984. – С.3-18.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 214 с.
6. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
7. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

8. Николаева Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 679 с.
9. Степанов Г.В. Энциклопедический словарь юного филолога / Г.В. Степанов. – М. : Педагогика, 1984. – 351 с.
10. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М.: URSS, 2009. – 248 с.
11. Щирова И.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: Книжный Дом, 2006. – 172 с.
12. Щирова И.А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учеб. пособие / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. – СПб: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2005. – 156 с.
13. Antos G. Texte als Konstitutionsform von Wissen. Thesen zu einer evolutionstheoretischen Begründung der Textlinguistik. / G. Antos // Antos G., Tietz H. [Hrsg.] Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen, Transformationen. – Tübingen, 1997. – 188 p.